Лирика

За тех, кто в Магнитке живёт...

Владилен Машковцев

Жизнь

Вновь тучи чёрные нависли...
Вновь солнце кружится, звеня...
Как пеленгатор, ловят мысли
Тревогу будущего дня.
Там стронций злой на лист женьшеня
Библейским падает дождём.
И через страшные крушенья
Мы к возрождению идём.
Ясна предельно сложность века,
Необъяснима простота.
Столкнулись
В сердце человека
Неправота и правота.
Ещё в крови таится каста,
Ещё плывёт в челне варяг...
Умы, как будто государства,
В противоречиях горят.
А жизнь
В своём движенье властна,
В непостижимом – велика.
В грядущей горечи прекрасна,
В ушедшей радости горька.

Когда открытий требует душа

Мы щедрость на весах
не выверяем
И век по-человечески живём.
Находим, может,
Больше – чем теряем...
Но отдаём мы больше, чем берём!
И в этом счастье.
С явной пользой прожит
Ещё один отрезок жизни, год.
Но недовольство
снова нас тревожит
И, чёрт возьми, к великому зовёт!
Вновь сердце –
неизведанного просит...
И знаем мы,
Что жизнь хороша,
Когда находки радость
не приносят,
Когда открытий требует душа!

Гусли

Вячеславу Богданову

Чем вы наполнены, гусли:
радостью, горечью слёз?
Пронзительным звоном из кузни,
трепетом белых берёз?

Чем вы озвучены, гусли?
Славу добыли отцы.
Летят, будто лебеди-гуси,
по струнам слова-светунцы.

Чем вы встревожены, гусли:
кликами тёмных примет?
Или витает за грустью
предчувствие битвы и бед?

Чем вы разгневаны, гусли...
мир правдой и былью жесток.
Гибель, созревшую в русле,
рождает невинно исток.

Чем вы возвышены, гусли...
в чём сила борца и певца?
Величие праведно Русью
вливается в наши сердца.

Причастность

Грабарку водил, как тачанку,
Чапаевец,
Строя завод...
Поднимем же добрую чарку
За тех, кто в Магнитке живёт:
За первопроходцев степных,
За сыновей – комсомол,
За тех, кто поставил мартены
И город из камня возвёл.
За тех, кто от вражеской пули
Упал у Днепра на стерню,
За тех, кто, сгорая у пульта,
Ковал для России броню.
Бурьян над могилами чалый,
И много безвестных имён...
Поднимем же добрую чарку
За тех, кто Магниткой рождён.
За тех мы нальём,
Кто не сломлен,
Кто крепче,
Чем камень-гранит.
За тех, кто сегодня у домен,
И тех, кто сегодня забыт.
С огнём зарождаются песни,
С огнём зарождался металл...

Поэт Владилен Машковцев с женой Риммой

Больше, чем биография

Планировала написать к 90-летию Владилена Машковцева – почётного гражданина Магнитогорска, замечательного поэта и писателя – большую статью о его интересном жизненном и творческом пути. Но вдруг буквально наталкиваюсь на слова автора знаменитых книг «Хоббит, или Туда и обратно» и «Властелин колец» Джона Толкина: «Изучение биографии автора – самый пустой и ложный путь к познанию его работ». И в самом деле, решила я, самый верный путь познать произведения автора – прочесть их. Поэтому вместе с Риммой Владимировной Машковцевой (вдовой поэта) отобрали для юбилейной публикации несколько стихотворений Владилена Ивановича. Они скажут о поэте больше, чем его биография. Кстати, часть стихотворений не известны широкому кругу читателей.

Ирина Андреева, краевед

В гостях у металлургов

И родины полюс железный
В поэзии полюсом стал.
Поднимем же добрую чарку
За первый барак и костры,
За трудную нашу причастность
К величью Магнитной горы!

Присоединение

Вольный казацкий Яик перешёл добровольно в подданство русского государства при царе Михаиле Фёдоровиче (1613–1645)

Мы тебе, государь,
бьём казацким челом.
Велики мы богатством,
необъятны числом.

Мы могутней, чем Сечь,
не в пример нам Азов.
Привезли мы в подарок
триста возов.

Сто возов осетра,
сто возов соболей,
сто возов серебра...
ты за нас поболей!

Наши степи на Яике
золотеют жнивьём.
Триста лет мы по-русски,
хлеборобно живём.

Мы в сраженьях бесстрашны,
в набегах быстры.
Наши земли – от Каспия
до Магнитной горы.

Век тебе, государь,
не тужить ни о чём.
Сами пушки мы ладим,
сами порох толчём.

От земли нашей русской
мы отводим беду.
Бьём на юге султана,
на востоке – орду.

Ты прими наше войско,
говорим без прикрас:
защищаем мы Русь,
Русь не знает о нас.

Париж, Берлин

Когда, скажи, в степи уральской,
под черепицей ладных крыш,
запахла хлебом и закваской
станица с именем – Париж?
И все мы спрашивали в детстве,
с каких времён, с каких былин –
с Магнит-горой стоит
в соседстве
село с названием Берлин?
Ещё смешней: в пимах зимуют,
в окрошке – русский лук и квас,
а хутор важно именуют,
как немцы, Фершампенуаз!
Была война, походы были,
хотя не помнят старики,
когда в Берлин, в Париж входили
казачьи грозные полки.
Беспамятье – плохая плата,
но враг понёс большой урон.
И нас водил в атаки Платов,
бросал в бои Багратион.
Нас не воспели звучно в одах,
но дали доброй нам земли...
Мы сами, в память о походах,
свои станицы нарекли.

Солнцеворот 1743 года

Ф. А. Бондеко – настоятелю Михайло-Архангельской церкви

Созревала у лета макушка,
И стреляла из крепости пушка.
На коня сел казак с челобитной –
Доложить о станице Магнитной.

Как на месте и диком, и голом
Укрепили мы вал частоколом.
В день святого Петра-Поворота
Обивали железом ворота.

Богатели и веником в бане,
И казённой избой на дуване.
В ковылях,
под напористым ветром,
Пахли срубы смолистые кедром.

В день четвёртый
от солнцеворота
Завершилась большая работа.
И ватага за трудность почина
Три бочонка вина получила.

Созревала у лета макушка,
И звонила над миром церквушка.

Прощание

С эскадроном
мы уходим завтра в бой,
ты махни мне вслед
косынкой голубой.

Под станицей
землю громом затрясёт,
Если враг мне саблей
голову снесёт.

И проплачут
в синем небе журавли,
Если рухну я в седые ковыли.

Почернеет
в золотистой чаше мёд,
Если пика злая
грудь мою проткнёт.

Ты почуешь сердцем горюшко-беду,
Если я с коня под пулей упаду.

Обними меня, казачка, обними,
Будь мне верной перед богом
и людьми.

Афганское ущелье

Вадиму Юрченко – комсомольцу, подручному сталевара, погибшему в боях с душманами 2 сентября 1985 года

Тени пляшут, будто шаманы,
Эхо горное в бубен бьёт.
И за каждым камнем душманы,
Злобно лает их пулемёт.

У наёмника пасть фиксата,
У фанатика – чёрный лик.
И смертельна в ущелье засада,
В испытании миг велик.

Заалеет звезда обелиска,
Пробивая туман-молоко.
Вновь солдату до смерти близко,
До России так далеко.

Это сон: мама рядом присела,
День рожденья, в кино билет...
А у снайпера в линзе прицела –
Голубой солдатский берет.

А дехкане спасают пожитки,
Сбит заморской базукой флаг...
Погибает парень с Магнитки
Защищая горящий кишлак.

И травинка у камня плачет,
заслоняя солдата, ждёт,
что конёк-горбунок прискачет,
прилетит ковер-самолёт.

Совет искателю

Ушли в историю события,
сраженья
Со звоном сабель,
цокотом копыт...
Ты воскреси их,
Юный следопыт!

Летят столетья, как мгновенья,
Живёт герой,
Но он людьми забыт...
Увековечь героя, следопыт!

Зажги огонь в душе
Строкой поэта,
Приобрети в росинке
Чудо света!

Открой в рисунке камня
Магмы дрожь,
И ты в себе –
Великое найдёшь.

Пробей трудом
И поиском тропу,
Найдёшь себя,
Найдёшь свою судьбу!

Я делал все наоборот

Я лягушат бросал в колодцы,
Крал огурцы средь бела дня...
Наверно, сам великий Песталоцци
Не взялся бы воспитывать меня.

Я зажигал костёр в подвале,
И гнал телёнка в огород,
И то, что мне повелевали,
Я делал всё наоборот.

То прыгал в чан пожарный
с крыши,
То соль размешивал в халве.
Прикажут мне: – Сиди потише!
И я ходил на голове!

Учителей я ошарашил...
И хохотали громко все,
Когда я чинно, будто маршал,
Приехал в школу на козе.

Должно быть, вёл себя я гадко,
Мой вредный дух – всему виной.
В семье у нас лишь только бабка
Справлялась весело со мной.

Она, бывало, скажет тихо:
– Воды не надо, милый мой!
И я с ведром вприпрыжку, лихо
За ключевой бегу водой.

– Казак!
– шепнёт мне бабка строго, –
Не трожь топор, присядь сперва.
И я мгновенно за порогом,
И я весь день рублю дрова.

Вздыхала бабка: «Хватит тройки,
Не трать за книжкой много сил!»
И я тогда учил уроки,
Домой пятёрки приносил.

Хитрила бабка понарошку,
Чтоб не закусывал удил.
И я окучивал картошку
И в бор за хворостом ходил.

Улыбка бабкина и шутки
Сильнее были для меня
Педагогической науки
И беспощадного ремня.

Русская тройка

М. Ф. Ненашеву

Трепещут в пляске гривы бойко,
у коренного храп сердит.
Опять летит по тракту тройка,
как удаль русская – летит!

Звенят щемяще колокольцы,
кошёвка мчит ещё быстрей.
И рвётся пар, свиваясь в кольца,
из конских бешеных ноздрей.

И убегает путь следами,
и степь мелькающе кипит.
И комья снега лебедями
взлетают ввысь из-под копыт.

На ветер гикну, свистну плетью,
я сам себе – высокий суд.
Через сугробы и столетья
нас вороные пронесут.